ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОРОКОВ

Лет десять назад, в самом начале нынешних реформ, включил как-то днем телевизор (днем обычно занят на работе, а тут вдруг оказался свободен и решил посмотреть, чем телевидение забавляет праздный или пенсионновозрастный народ): шла на первый взгляд обыкновенная рядовая сельскохозяйственная передача, какие не очень-то любит смотреть наш зритель. Хотел уже было переключить телевизор на другой канал, но что-то меня удержало. Мне вдруг показалось, что показывают необычные вещи, не ту привычную панораму запущенных российских полей, которую взяло за моду показывать наше ТВ, тем более не победно-реляционный сюжет, коими страдало наше недавнее прошлое, - не то было уже время, чтобы шуметь, ибо начинали думать о том, как перестроить жизнь к лучшему.

Алексей ВОРОНКОВ

Оказывается, то была документальная лента об опыте хозяйствования на селе в соседней с Россией Финляндии. Помню примечательный видеоряд: красивый зеленый ландшафт, уютные сельские хуторочки с современными коттеджами, асфальт, ведущий к этим коттеджам, добротная новая сельскохозяйственная техника, капитально оборудованные мастерские и, что больше всего меня привлекло, небольшие перерабатывающие заводики, принадлежащие, как было сказано в дикторском тексте, тамошнему сельскохозяйственному кооперативу.

Ну вот, подумал я, мы нынче бежим от коллективизации, которая, по нашему разумению, не оправдала народных надежд, а там, у капиталистов, понимаешь, вовсю развивается эта коллективная форма труда. Но, понаблюдав дальше, я понял, что тамошняя коллективизация ничего не имеет общего с нашей. В наших колхозах все всегда было обобществлено, начиная от средств производства и кончая пашней (я уж не говорю об идеологической основе нашего коллективизма, о мышлении, которое у крестьян тоже старались сделать единым, о том упоре, который колхозники делали не на науку, не на логику вещей, а на волю руководителей разного масштаба, порой ни черта не смысливших в сельском хозяйстве). У финнов основой сельскохозяйственного производства являются частные хозяйства - фермы, то есть небольшие сельскохозяйственные предприятия, занимающиеся производственной деятельностью на собственном или арендуемом земельном участке. Коллективной же собственностью, в данном случае употреблялся термин кооперативной, являлись небольшие перерабатывающие предприятия, которые принадлежали кооператорам - владельцам крестьянских хозяйств.

Как было сказано в передаче, финский крестьянин знает, что сельскохозяйственное производство становится рентабельным только тогда, когда оно ориентировано на конечный результат, говоря попросту, на выпуск готовой продукции.

Представьте себе село, в котором расположены денно и нощно работающие на полную мощность перерабатывающие заводики и откуда ежедневно в город везут и везут продукты питания, при этом везут не только в чужие магазины, но и в те, что принадлежат кооперативу. Вырученные от продажи сельскохозяйственной продукции деньги поступают в банк (часто в тот, соучредителем которого опять же является кооператив) на счет кооператива. Постоянно имея на своем счету достаточное количество денег, кооператив частью распределяет их между крестьянскими хозяйствами (фермер в этом случае имеет возможность пользоваться всеми плодами нашей жизни), частью тратит их на развитие производства.

Кооператив создается на кооперативные паи, то есть денежные доли, которые учредители коллективного производства - фермеры - вносят на общее дело.

Я помню, с каким откровенным благоговением отзывались герои телефильма, те самые крестьяне-кооператоры, о кооперативном устройстве производства, позволяющем им быть уверенными в завтрашнем дне, о той отлаженной системе сельскохозяйственного конвейера, о котором подспудно мечтают крестьяне России. Я был поражен и озадачен. Как, оказывается, все просто: создал крестьянские хозяйства, выделил им землю, орудия производства, объединил их в кооперативы - и наша вечная проблема с производством высококачественной продукции решена. Но почему же в таком случае никто из российских руководителей последних семидесяти лет не додумался до такой простой вещи? Опыта не было? Знаний? Но ведь ими можно было обзавестись, преодолев границу той же Финляндии. В том случае, конечно, если за границу ездить именно за опытом и знаниями, а не для того, чтобы точить лясы на политических посиделках. Увы, то ли у нашего руководства не было желания познавать секреты прогрессивных методов производства, то ли тогдашняя идеологическая вера не позволяла отходить от канонов так называемой социалистической системы сельскохозяйственного промысла, только мы так и продолжали всем коллективистским миром гробить саму идею землепашества.

Недавно разговорился со старым человеком. Лет ему уже много, до этих пор мало кто нынче доживает. Так он мне прямо сказал: до революции-де мы у себя на приамурских землях хозяйствовали лучше. Каждый жил в селе своим двором, имел пашню, свои орудия производства. Бедных, по существу (а разговор шел конкретный, о прошлой жизни в крупном амурском селе Ивановке), не было. Разве что небольшая группа лоботрясов, которым было лень даже свои портки постирать. А после революции, рассказывал мой собеседник, стали крестьян организовывать в сельскохозяйственные коммуны - кооперативы по-коммунистически, - где крестьяне так обнищали, что ко времени организации колхозов им не с чем было туда идти. Ивановка в полном смысле слова стала до неузнаваемости бедным селом.

Значит, подумал я, кооператив кооперативу рознь, коли где-то «за бугром» таковые процветают, а у нас в двадцатых годах они сделали свое черное дело - по существу уничтожили сам дух крестьянского труда... В чем причина зла? Может быть, виной всему было то, что новая власть попыталась сломать саму психологию крестьянина? Ведь что из себя представляла наша коммуна, появившаяся на свет в первые годы Советской власти... Это был, по сути, сельскохозяйственный производственный кооператив с полностью обобществленными средствами производства и землепользованием, а также уравнительным распределением - по едокам. Но ведь извечная крестьянская психология такова, что он, крестьянин, по сути своей собственник, не способен работать на всех - только на себя. Только на своем земельном участке, только с помощью своих орудий труда, которые он бережет как зеницу ока и лелеет. А тут все общее - знать, ничье. А ничье и есть ничье. Рядом с коммунарами работали крепкие единоличники-хозяева - у них дело шло, а у этих, кто все обобществил, - ничего не получалось.

- У нас, - рассказывал мне когда-то мой покойный батька - крестьянский сын, который успел поработать на земле и до появления колхозов, а потом и колхозную долю на себе испытать, - в Поволжье (а детство и молодость он провел в Самарской губернии) кооперация была другой. В нашей деревне Кураповке коммуны начисто отвергли и жили по-старому: вели единоличное хозяйство, но порой объединялись для того, чтобы совместно вспахать и обработать землю, а потом таким же образом урожай собрать.

А еще у них там были купленная на крестьянские паи мельница, маслобойня и что-то еще. Таким образом, по словам отца, крестьяне в селе жили до образования колхозов неплохо. Тот, кто любил и умел трудиться, глядя на богатых хозяев, сам старался встать на ноги. И вставали. Многие вставали. То же самое было в других селах: люди стремились выбраться из нужды - вся Россия пыталась это сделать! Для этого много и прилежно трудились, учились новым способам производства, старались где-то что-то новенькое подсмотреть, найти хороший посадочный материал, освоить тонкости агрономии и других сельскохозяйственных наук. Крестьян никто не заставлял, они самостоятельно доходили до всего. Свободный крестьянин, - говорил мой отец, - хороший крестьянин, невольный - крестьянин никудышный.

Наверное, годы, когда отец мальчишкой помогал своим старшим братьям вести единоличное хозяйство, повлияли на его характер: он потом всю свою жизнь критически относился к колхозам и всегда с теплотой вспоминал то, как они всей семьей здорово работали на земле. «Мы начинали с нуля, то есть были бедняками, потихоньку вышли в середняки и в конце концов превратились бы в зажиточных хозяев, но колхозная политика снова сделала нас бедными», - приблизительно так говорил мне всегда мой отец.

А еще он говорил, что коммуны, а следом и колхозы, ломая привычный крестьянский уклад, заражали землепашцев нищенской психологией, которая подавляла их творческое начало, стремление к поиску и разумным решениям - они были зомбированы самой системой, где отсутствовали всякие свободы и самостоятельные решения, индивидуальность и простор мысли.

* * *

Стремление решить по-доброму крестьянский вопрос, обустроить крестьянское существование уже столетия волнует передовую российскую мысль. Я говорил уже о том, какое неизгладимое впечатление произвел на меня документальный фильм, рассказывающий о кооперативном движении в Финляндии. (Кстати, позже я узнал, что подобная система сельского кооперирования существует и во многих других странах, способствуя интенсивному развитию сельскохозяйственного производства). Но, оказывается, все это уже было когда-то и у нас в России. При этом наш опыт широко потом распространился в ряде зарубежных стран.

...28 сентября 1987 года в конференц-зале ВАСХНИЛ выступал английский профессор Теодор Шанин с лекцией «Александр Васильевич Чаянов в мировой экономической науке». Многие из собравшихся там ученых незадолго до этого впервые услышали имя Чаянова, прочитав о нем в прессе. Шанин рассказывал, что в шестидесятых годах английский ученый Дэниэл Торнер, специалист в области истории и экономики индийского крестьянства, работая в Индии, неожиданно обнаружил книгу, написанную, как он потом говорил, незнакомым ему немцем и изданную в Берлине в двадцатых годах. Фамилия немца, по его выражению, была довольно необычной - не то Хаянофф, не то Шаянофф. Торнер стал читать книгу, которая все больше и больше захватывала его. Дочитав, он понял, что только что познакомился с выдающейся концепцией, которая глобально объясняет многие экономические загадки развития мирового крестьянства.

Торнер стал искать другие работы гениального немца, но тщетно: нигде он их не обнаружил, более того, никто из ученых-аграрников, с кем он разговаривал, не располагал сведениями об авторе прочитанной Торнером книги.

И все же удача в конце концов сопутствовала Торнеру: через несколько лет он отыскал следы разыскиваемого им человека. Увы, тем человеком оказался русский агроном-экономист, профессор Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, директор НИИ сельскохозяйственной экономики Александр Васильевич Чаянов, который почил в бозе за три десятка лет до этого. Так и не отыскав русский оригинал, книгу Чаянова перевели с немецкого на английский, французский, испанский, японский и другие языки. А уже в 1967 году в Париже увидело свет его первое восьмитомное собрание сочинений.

Чем же стал интересен Чаянов для Запада, почему там поторопились познакомить широкий круг общественности, в первую очередь, естественно, специалистов сельского хозяйства, с работами русского ученого? Все дело, оказывается, в том, что Александр Васильевич Чаянов создал целую стройную науку по оптимальной организации сельского хозяйства, где главной была теория трудового крестьянского хозяйства. То есть это был настоящий учебник крестьянской жизни, изучить который необходимо было всем, кто занят проблемами развития сельского хозяйства в своей стране.

Здесь закономерно возникает вопрос: почему в таком случае на родине Чаянова так, мягко говоря, непочтительно-скромно отнеслись к научным работам Александра Васильевича? Неужели мы настолько преуспели в сельскохозяйственном производстве за эти несколько десятилетий после написания им своих трудов, что нам необязательно было изучать их и следовать доктрине выдающегося авторитета во многих областях, связанных с крестьянским хозяйствованием? Да нет же. Тогда почему был забыт у нас Чаянов и его уникальный опыт? Прежде, чем ответить на этот вопрос, нужно в нескольких штрихах нарисовать биографию Александра Васильевича.

А. В. Чаянов родился в Москве 17 (29) января 1888 года в семье бывшего крестьянина, ставшего впоследствии преуспевающим коммерсантом, и вятской мещанки, кстати, человека образованного, которая в первой группе женщин была допущена к учебе в Петровской земледельческой и лесной академии.

Чаянову родителями была предопределена практическая деятельность «в увеличении вещественного благосостояния нашего отечества», поэтому его отдали не в гимназию, а в частное реальное училище. Затем была Петровская академия, которая к тому времени уже называлась Московским сельскохозяйственным институтом, хотя ее так и продолжали в Москве именовать по-старому - академией.

Кстати говоря, свой выбор Александр Васильевич сделал совершенно сознательно: Чаянов, как пишут источники, принадлежал к той части студенчества, которая шла в академию «для изучения естественно-исторических и общественных наук», чтобы в дальнейшем приносить своему государству практическую пользу во многих делах.

Научные интересы Чаянова определились довольно рано - на втором курсе, когда он глубоко и серьезно занялся общественной агрономией. Под руководством таких выдающихся ученых, как А. Ф. Фортунатов, Н. Н. Худяков, Д. Н. Прянишников, он осваивает весь сложный цикл практических знаний и одновременно приступает к самостоятельной научной работе в студенческом кружке.

Кружок общественной агрономии, в который входил Чаянов, ставил своей целью, как пишет литература о нем, «содействие своим членам в изучении агрономического обществоведения и методов общественно-агрономической работы в целях подготовки их к общественной деятельности в области агрономии». «Здесь, в обстановке самостоятельных докладов и прений на собраниях кружка, - рассказывает автор исторического очерка о кружке общественной агрономии (КОА) Э. Петри, - вырабатывались и оформлялись взгляды впоследствии ставших известными первых членов КОА А. Н. Минина и Чаянова, взгляды и мировоззрения, вылившиеся в построение кооперативного идеала и новой теории крестьянского хозяйства...».

(Продолжение следует)

ПО ВОПРОСАМ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЯВЛЕНИЙ И РЕКЛАМЫ ЗВОНИТЕ 44-39-70

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОРОКОВ

Алексей ВОРОНКОВ

По сути, школа Чаянова начала зарождаться именно в Петровской академии, Петровке, как ее называли в те времена, где Александром Васильевичем и его соратниками делались первые практические выводы из экспериментов, где закладывался базис идей и теорий организационно-производственной школы. Именно в начале своего творческого пути он уже понял главное, что стало основой его практических рекомендаций: в своей работе по совершенствованию условий сельскохозяйственного производства нужно исходить из тщательного изучения и глубокого уважения объективных внутренних законов существования и деятельности крестьянского хозяйства. При этом необходимо преследовать одну-единственную цель - помочь более эффективному проявлению заложенных в самой природе крестьянского хозяйства сильных положительных перспективных тенденций. Чаянов, в отличие от будущих советских проводников коллективизации, отрицал сам принцип насилия над объективными законами, которые могут разрушить, уничтожить организм, но не заставить его полноценно развиваться по чуждым ему, навязанным извне правилам.

(Продолжение. Начало в № 5)

Уже в предреволюционные годы (а ведь он тогда еще был достаточно молодым человеком) Чаянов стал крупнейшим авторитетом в области сельскохозяйственной кооперации и - шире - организации сельского хозяйства. Пропагандируя свою теорию трудового крестьянского хозяйства, он проводит широкие полевые исследования, читает лекции в учебных заведениях, пишет научные труды. И все эти годы он не переставал верить в то, что наступит день - и в России возникнет мощное кооперативное крестьянское движение, которое станет основой новых экономических отношений на селе, способных вывести наше сельское хозяйство из вечного тупика.

Это сегодня многим кажется, что до октябрьского переворота 1917 года дела в российском сельском хозяйстве шли блестяще. Увы, при всех преимуществах единоличного хозяйствования в селах зачастую царило сплошное запустение. А вся беда была в том, что российское крестьянство, в отличие от более просвещенного западного собрата, занималось далеким от передового интенсивного экстенсивным земледелием, при котором рост объема продукции достигался лишь за счет расширения обрабатываемых земельных площадей.

(В противоположность этому методу интенсивная система сельскохозяйственного производства предполагает получать сельхозпродукцию нужного количества и качества за счет применения более совершенных средств и методов как в возделывании зерновых, так и в других отраслях сельскохозяйственного производства). Русские крестьяне в большинстве своем были людьми неграмотными, они не могли следить за новинками сельхозпроизводства, не могли знать практику международного сельскохозяйственного труда. Среди них практически не было людей, закончивших учебные заведения аграрного профиля, поэтому вся работа велась по старинке, дедовскими методами.

В России первые кооперативы появились сразу же после отмены крепостного права. Чаще всего учредителями таких протокооперативов были прогрессивные помещики, либо «благородно мыслящие» предприниматели - самим крестьянам не дано было прийти к мысли об обновлении и совершенствовании организации своего труда. Большую роль в развитии кооперативного движения играла интеллигенция, благодаря которой к концу девятнадцатого и в начале двадцатого веков Россию буквально заполонили сельскохозяйственные кооперативы, где использовались уже передовые способы производства, что способствовало подъему сельского хозяйства в целом.

Сегодня много говорят о знаменитой столыпинской реформе, которая дала возможность самоопределяться крестьянам. Имевшие землю крестьяне уже могли выходить из обрыдлых крестьянских общин и обустраиваться на хуторах, не имевшие ее - имели возможность с помощью государства переселиться в другие районы страны, где было много ничейной земли (в том числе и на Дальний Восток), которая предоставлялась в пользование переселенцам. Но редко кто вспоминает о кооперативном движении в предреволюционной России, которое, по существу, являло собой все ту же земельную реформу, но осуществлявшуюся как бы снизу. Ее проводником по праву можно назвать передовую интеллигенцию.

Примерно на рубеже двух веков в России возникает одно доброе начинание, цель которого - оказать практическую помощь в организации производства в трудовых крестьянских хозяйствах. Истоки этого начинания часто связывают с так называемой «теорией малых дел», родившейся в 80-е годы девятнадцатого века в среде либерального народничества. Но это, по мнению историков, неправильно. «Теория малых дел» призывала интеллигентов идти на службу в земства и работать в деревнях учителями, врачами, просвещая народ и заботясь о его благе. Интеллигенты же нового поколения должны были помогать крестьянам в организации кредита, страхового дела, распространении сельскохозяйственных знаний. Новое начинание, получившее название «организационно-производственной школы», исповедовало те же этические принципы, что и передовые русские интеллигенты, ушедшие «в народ», но подход представителей этой школы был совершенно иным.

Прежде всего он был научным. Сфера помощи народу ограничивалась организацией производства в трудовом крестьянском хозяйстве, так что вместо расплывчатой интеллигентской идеи просветительства и благотворительности приверженцы организационно-производственной школы ставили перед собой четкую практическую задачу: научить крестьянина грамотно вести хозяйство, поднимая тем самым собственный уровень жизни, культуру - прежде всего производственную. Эта программа строилась на точном знании экономики, рынка, агротехники, особенностей конкретного региона, типа и направления хозяйственной деятельности того или иного крестьянина.

Организационно-производственное направление подготавливалось на рубеже двух столетий такими видными учеными, как А. А. Кауфман, А. В. Пешехонов, П. А. Вихляев, А. И. Скворцов. Это направление ставило целью преобразование крестьянского хозяйства на основе рациональной организации производства и его интенсификации путем применения передовой технологии.

А. В. Чаянов, а вместе с ним и такие его сподвижники, как А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников, А. Н. Минин, есть плоть от плоти участники «организационно-производственной школы». Именно они продолжили и развили их дело, конкретизировав многие агрономические методики и иные аспекты организации крестьянского труда.

Чаяновым и его соратниками привлекался не только отечественный опыт, достоянием нашего крестьянства становилась международная практика ведения сельского хозяйства. В свою очередь, зарубежные ученые и сельхозпроизводители с интересом наблюдали за развитием кооперативного движения в России и не только наблюдали, а брали все лучшее, чем была уже богата наша сельскохозяйственная практика. Так, зарубежные аграрии вслед за российскими стали развивать сельское хозяйство в трех главных направлениях - кооперация, организационно-производственная деятельность и участковая агрономия.

Многое для А. В. Чаянова в смысле накопления знаний и опыта в деле организации сельскохозяйственного производства дало посещение целого ряда европейских стран. Именно там - в Италии, Германии, Франции, Австрии, Швейцарии и других - он подсмотрел многое такое, что затем было внедрено у себя на родине. Так, например, в Германии Александр Васильевич сдружился с тамошними известными экономистами - создателями теории штандорта Ф. Аэробое и Т. Бринкманом («Штандортные теории» изучают проблемы размещения производства для определения наиболее выгодного местоположения отдельных предприятий с точки зрения наименьших издержек производства и повышения его рентабельности), которые он потом применил в русских условиях.

А в Швейцарии Чаянова интересовал семейный бюджет швейцарцев, занимавшихся сельским хозяйством. Эти знания тоже позже были применены на практике.

В Италии внимание молодого ученого привлекли процессы кооперации в сельском хозяйстве, когда тысячи маленьких хозяйств сливались в различные союзы и на началах самодеятельности создавали мощную экономическую организацию, которая занималась кредитами, закупками, сбытом, организовывала производственную кооперацию, поддерживала дело агрономической помощи крестьянам. Чаянов назвал это экономическим Возрождением Италии.

Возвратившись на родину, Чаянов, продолжая последовательно вести свою работу, пропагандировал все то полезное, о чем узнал за границей. Таким образом он приступал к решению главных проблем, волновавших ученого всю его жизнь: разработке теории трудового крестьянского хозяйства и изучению принципов, форм и методов деятельности сельской кооперации. Молодой ученый сосредоточивает свое внимание на вопросах производства и потребления, финансирования и специализации, ищет пути и способы, наиболее выгодные трудовому крестьянину для приспособления его хозяйства к рынку.

Вот вкратце основные вехи деятельности человека, перевернувшего представление об устройстве сельскохозяйственного производства, человека, чья теория все больше и больше находит применение за границей. Кстати, и сюжет того телефильма, о котором я рассказывал вначале, показывает практику ведения сельского хозяйства на основе методик, разработанных тем же Чаяновым и его сподвижниками. Увы, в своем отечестве пророком он так и не стал. Мало того, что в 37-м его расстреляли по сфабрикованному делу, - так он и сегодня редко упоминается в речах наших новых управителей, а его величайшее наследие так и лежит невостребованным грузом в трюмах нашей заскорузлой и закоснелой сельскохозяйственной практики. Почему?

Ответ на этот вопрос найти непросто. Хотя некоторые причины очевидны. Так, наша наука управления сельскохозяйственным производством настолько отстала от мировой, что нам трудно сейчас сориентироваться в том хаосе и беспределе, который существует в этой отрасли. Другая причина - боязнь работать по-новому, делая ставку на прогрессивные образцы ведения сельского хозяйства. Эта боязнь есть результат рабской психологии, сложившейся за долгие годы бесправия и подавления свобод и инициатив у нашего народа. В результате наша деревня нынче или же топчется на месте, или начинает, образно говоря, заново изобретать велосипед, вслепую идя к тому, к чему уже давно пришла человеческая мысль. Здесь я имею в виду в том числе и теорию А. В. Чаянова относительно оптимальных форм устройства трудового крестьянского хозяйства и систему кооперирования на селе.

* * *

Давно наблюдаю за развитием перемен на селе и вижу, что позывы к новому имеются. Но все идет как-то кособоко, на ощупь, несмело и, что греха таить, неумело. Понял почему: перестали, как это было раньше, поступать директивы сверху. Село в растерянности - ведь за долгие десятилетия директивной системы люди привыкли подчиняться воле верхов, подчиняться командам. А теперь этих команд нет. Нет сегодня пока что и образованных людей, которые бы, по примеру молодых просвещенных представителей научной интеллигенции конца девятнадцатого столетия, пошли в село учить крестьянина тому, как ему правильно организовать свой труд, который бы соответствовал лучшим мировым образцам.

Я разговаривал со многими крестьянами нашего региона (при этом моими собеседниками были представители всех ныне имеющихся у нас направлений сельскохозяйственного производства, всех форм собственности, начиная от фермерских хозяйств и кончая товариществами с ограниченной ответственностью и колхозами), пытаясь выяснить, какой теории и практики они придерживаются в своей производственной деятельности, что они знают о развитии крестьянской кооперации за рубежом, о крестьянском кооперативном движении, имевшем место в предреволюционной России, когда новая система организации труда сделала настоящую революцию на селе, значительно подняв уровень сельскохозяйственного производства, а следовательно, и уровень жизни крестьян. Увы, современные крестьяне ничего не ведали обо всем этом. Иногда только кто-то что-то пытался припомнить, но в целом все было покрыто мраком невежества. Я с болью подумал, что подобное я уже встречал когда-то: путешествуя несколько лет назад по посткультреволюционному Китаю, я пытался заговорить с тамошними людьми о мировой культуре, о величайших представителях мировой цивилизации - тщетно. Люди были воспитаны в некоем историческом вакууме, и для них все знания ограничивались собственной политической изгородью. Мне стало страшно...

Местный сельскохозяйственный университет тоже не порадовал меня какими-то открытиями: и среди студентов, и среди преподавателей я не нашел человека, который был бы хорошо знаком с теорией того же, например, Чаянова. Весь процесс подготовки здесь базировался в основном на укладах прежней советской науки и ориентировался на колхозную систему организации сельскохозяйственного труда, на экстенсивную систему производства. В чем дело? - не понял я. В каком измерении живут люди? Кто-то попытался свалить все на ту неразбериху, что царит в российском сельском хозяйстве, кто-то сетовал на косность мышления руководителей вуза, у которых здравая логика и ощущение требований времени были подменены приверженностью прежней, советской, идеологии.

Увы, новые формы хозяйствования на селе на заре реформ в местном агроуниверситете не пропагандировались и не изучались. Я был абсолютно уверен, что никто из выпускников этого вуза не был способен пойти на село и научить крестьян работать по-новому. Их бы за границу свозить, чтобы они посмотрели, как можно рационально и оптимально организовать крестьянский труд, как интенсивно вести сельскохозяйственное производство, как организовать кооператив и что для этого нужно сделать, думал я. Ведь тот же Чаянов, многие его сподвижники тоже не сами дошли до всего - они оттолкнулись от чьего-то опыта, в частности, от европейской практики сельскохозяйственных производственных отношений. Увы, некому и не на что было свозить наших молодых специалистов туда, где бы они набрались чужого опыта. Своего же доброго опыта у нас, к сожалению, тогда еще не было. Ежели бы он был - да разве бы так жило наше село? Разве бы стали метаться мы в поисках выхода из ситуации?

(Продолжение следует)

ПО ВОПРОСАМ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЯВЛЕНИЙ И РЕКЛАМЫ ЗВОНИТЕ 44-39-70

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОРОКОВ

Тогда-то мне и рассказали довольно интересный случай, который произошел на экзамене в одном из приморских вузов. Отвечая на экзаменационный вопрос, некий студент, приехавший из Приамурья, вынужден был упомянуть о достижениях амурского агрокомплекса. Он сказал, что пшеницы у нас собирается в среднем по 18-20 центнеров с гектара, а молока доят в среднем по три тысячи литров на корову. Преподаватель ему: вы что, на Колыме живете или в Якутии! Почему у вас так слабо развито сельское хозяйство! Но тут вдруг встают двое обиженных студентов и чуть ли не в голос заявляют: у нас-де доят по шесть и более тысяч литров. Оказалось, один был жителем Саха-Якутии, другой Магадана...

(Продолжение. Начало в № 5, 6)

Вот такие нюансы нашего времени. Теперь уже многие мои земляки не верят в сказку о том, что наша область, некогда считавшаяся житницей Дальнего Востока, и сейчас является таковой. Ну какая же это, простите, житница, если крестьяне до последнего времени ездили в город за рассадой, за хлебом, за овощами и прочим? Более того, во многих селах сегодня, если еще не идет мор, то он вот-вот начнется. Комбикормом в деревнях стали питаться - это ведь трагедия!

Многие крестьяне, ведомые, быть может, генетическим чувством, которое подсказывает, что им грозит вымирание, начали, не дожидаясь спасительных государственных авралов, не дожидаясь помощи растерявшихся ученых, сами выбираться из экономического омута. Естественно, в этом самоспасении наукой и не пахнет. Но люди уже начинают что-то делать. Их никто не учил жить и трудиться по-иному, у них нет денег и возможности поехать за границу (или в тот российский уголок, где уже научились хозяйствовать цивилизованно), и они пытаются своими мозгами дойти до того, чем остальной мир живет уже давно.

Вот один пример. Как-то в середине девяностых годов прошлого уже века в Амурскую область приезжал курировавший тогда аграрный сектор экономики первый вице-премьер Заверюха. Он объехал несколько хозяйств, где пытались работать по-новому. В селе Новопетровка Благовещенского района вице-премьер заинтересовался работой одной фермерши, которая держала небольшое дойное стадо, показывая примеры высоких для наших мест надоев. Как вы одна управляетесь со столькими коровами? - спросил высокий гость. Да управляюсь, - говорит женщина. Но дело в другом: некуда-де молоко девать. И другим селянам некуда. Вот и приходится спаивать его буренкам. Но разве это, мол, дело. Нам бы скооперироваться да сепараторную построить. Тогда бы из цельного молока мы могли производить сливки, сметану, масло, творог, другие молочно-кислые продукты, которые потом везли бы в город и продавали. Даже бы, дескать, свой магазин там открыли. А молоко - продукт скоропортящийся, пропадает, если его вовремя не реализуешь. А где его реализовывать? В селе у каждого своя корова, рядом в селах тоже у всех коровы. Только и остается, что сдавать на Благовещенский молокозавод. А там - очередь, а кроме того, завод часто не в состоянии расплатиться со сдатчиками молока - люди ждут денег месяцами.

Вот примерно так объяснила ситуацию новопетровская фермерша. И Заверюха пообещал, что обязательно пришлет ей сепараторное устройство, которое поможет и ей, и ее односельчанам решить проблему.

Вице-премьер не обманул: однажды в Новопетровку и в самом деле пришло оборудование. Народ радуется, уже благодарственные письма в голове сочиняет. Но тут чувства селян охладила зачинщица этого сыр-бора. Поработала она пару раз на сепараторе и говорит: ерунда, а не механизм. Да разве нам такой нужен? На этом я полдня перерабатывала только то молоко, что получила от трех коров. А у меня-де их десять. А ведь нужно еще соседское молочко переработать...

В общем, беда да и только. Узнав про то, что сепаратор был раскритикован амурскими крестьянами, первый вице-премьер извинился перед ними и сообщил, что других, более мощных сепараторов, наша промышленность не выпускает, потому как вся молочная индустрия была сориентирована у нас на городские молокозаводы. Так что, мол, не обессудьте...

Что делать крестьянам в такой ситуации? Они были бы рады купить небольшой перерабатывающий заводик, но где такие продаются, они не знают. Как не знают того, хватит ли им для этого собранных всем селом денег. А наша промышленность молчит. Она, как и прежде, неразворотлива, а то и равнодушна к чаяниям людей. А ведь на многих промышленных предприятиях, насколько я знаю, есть все условия для того, чтобы начать изготовление крупных сепараторных механизмов. На том же Свободненском заводе «Автозапчать» есть эти условия. Сегодня, как мне стало известно, предприятие находится в плену кризиса, даже есть опасение, что оно станет банкротом. Видимо, не смог этот промышленный гигант (по меркам нашего региона) сориентироваться в нынешней ситуации, не смог перепрофилировать производство в соответствии с потребностями рынка - вот и погибает. А ведь под боком амурский крестьянин стонет, ожидая помощи от промышленности, почему ему не помочь? Нечем этому крестьянину расплачиваться? Но ведь он производит продукты питания - неужели это не аргумент? Ведь работает же АО «Автозапчасть» с другими партнерами по бартеру, почему с крестьянами нельзя бартерный договор заключить?

Конечно, речь я веду о вещах не самых, может, главных для обустройства нашей амурской деревни, но и не о самых частных. Ведь известно, что перерабатывающая промышленность в нашей области носит достаточно примитивный и далеко не глобальный характер. Не перерабатывая свою продукцию, мы не работаем на конечный результат. А ведь известно, что сельское хозяйство, не работающее на конечный результат, является несовершенным и нерентабельным. Слабым, одним словом.

Крестьяне это чувствуют интуитивно. Они хотят работать по-новому (старое давно уже скомпрометировало себя), хотят для большей отдачи своего труда объединиться в кооперативы, вложив в них часть своей прибыли. А у многих из них мысль идет дальше - крестьянское производство стимулирует в людях стремление совершенствовать свое дело, заставляет их задумываться над многими и многими вещами. Ведь сам по себе крестьянин, говорили чаяновцы, - это сложная экономическая фигура общества. Он одновременно является владельцем средств производства, земли, капитала, что принуждает его самосовершенствоваться во многих областях человеческой деятельности, ибо все в мире связано с землей и хлебом.

* * *

Не так давно меня отыскал один человек. Хочу, говорит, побеседовать с писателем, который пишет о земле. Душно, говорит, у нас для тех, кто мыслит по-новому, - даже поговорить не с кем. Все тихонько варятся у нас в своем соку и не кипят желанием поразмышлять, подумать о том, как выбраться из этой всеобщей нищеты, из этого старого болота жизни.

Зовут этого человека Геннадием Васильевичем Якушевым. Он, как сам с порога заявил мне, является потомственным крестьянином, который с младых ногтей познал все прелести крестьянской жизни и теперь пытается проанализировать эту жизнь, чтобы постигнуть ее философию.

У него хорошее русское лицо, он широк в плечах и крепко сбит, несмотря на солидный возраст. Чувствуется, что ему не чужд тяжелый труд. О таких говорят: у человека руки в мозолях.

Геннадий Васильевич всю свою жизнь прожил в селе, сызмальства работал в колхозе. Скоро ему исполнится шестьдесят, но, ей Богу, выглядит он куда моложе. Как будто и не выработался вовсе, ну да бывают такие люди, которые и до старости выглядят молодцами, - семя такое есть богатырское.

Начал Якушев с того, что, к моему удивлению, поблагодарил Бога за то, что тот принес на российскую землю перемены. Вот ведь как: сегодня, почитай, все амурское крестьянство ропщет, недовольное тем, что власти перестали уделять селу столько внимания, сколько ему уделялось в прежние времена, перестали нянчить и пестовать его, а этому хорошо.

Правда, поблагодарив Бога и время, Якушев принялся, как говорится, промывать мозги да перемалывать косточки этому времени. Но в отличие от вечно брюзжащих и стонущих иных своих соплеменников, которые видят в новом лишь негатив, Геннадий Васильевич подходил ко всему с конструктивных позиций.

На его взгляд, сегодня на селе царит атмосфера, напоминающая начало тридцатых, - идет разрушение устоев. Только тогда при создании колхозов рушились устои единоличного крестьянского хозяйствования, а сейчас рушится созданный за семьдесят лет советской власти коллективный стержень крестьянства. А история, мол, показывает, что в переходные времена, когда происходит разрушение старого и начинается медленное зарождение чего-то нового, некоторое время всегда живется хуже прежнего. И так бывает до тех пор, пока не наберет силу новая идея и не стабилизируется обстановка. Правда, говорит Геннадий Васильевич, у нынешней ситуации есть одно преимущество: происходит переход от прежней, порочной, насильственной и принудительной, системы труда к творческой и свободной, а это вселяет надежду.

Что касаемо коллективного труда, то, по словам Якушева, при его внедрении крестьянин должен был забыть о собственном благополучии - он стал жить не от собственной прибыли, а на скудные трудодни, которые ему давали в колхозе, который, в свою очередь, разоряло государство, выжимая из него все соки. Крестьянина с первых же дней приобретения статуса колхозника стали душить непомерным налогом - мясо, молоко, шерсть и т.д.

- По этой части, - с горечью говорит Якушев, - анекдотов много до сих пор ходит. Вот такой, например: сдал крестьянин шерсть, мясо, кожу... и у него остались одни кости.

Да, грустный анекдот - такие рождаются только там, где жизнь, прямо скажем, хреновая.

- Сегодня я вижу, - говорит Геннадий Васильевич, - как рвутся к власти иные политики - из кожи лезут, бьются не на жизнь, а на смерть... Но ведь ни один из них не приедет к нам на село и не спросит колхозника, работника сельскохозяйственного товарищества или фермера, как они живут и в чем нуждаются. А жаль. Если бы приехали - тогда бы те, кто становятся губернаторами, депутатами, президентами, может быть, по-иному посмотрели на политику в области сельского хозяйства. Начали бы с помощью науки и при полной поддержке отечественной экономики ненавязчиво внедрять новую систему сельскохозяйственного производства.

- А что селянину сейчас нужно? - спрашивает Якушев. Вот один только вопрос.

Как известно, в малых и больших селах, даже в районных центрах, люди держат скот. По всей России, в том числе и в Амурской области. Но вся беда в том, что люди не могут реализовать свою продукцию (об этом мы уже упоминали выше), главным образом, молочно-кислую. Почему? А дело это, говорит Якушев, на селе не организовано. И здесь-де нужно сделать небольшой экскурс не в столь далекое прошлое. В сороковые-пятидесятые годы наше правительство, видя, что от колхозов как ни крути, а отдачи мало, что продукция животноводства плохо поступает на государственные прилавки, решило прибегнуть к следующему методу: вышел подписанный Сталиным указ, который обязывал, чтобы в каждом селе был установлен сепараторный сборный молочный пункт и чтобы каждая семья, имеющая корову (а больше одной коровы тогда просто-напросто запрещалось держать, что является вопиющим историческим парадоксом), должна была сдать тридцать килограммов топленого масла ежегодно, или, если у кого-то не было возможности изготовить это масло, - сдать определенный эквивалент молока, который составлял где-то около тысячи килограммов.

Алексей ВОРОНКОВ

- Это позволило пополнить экономические ресурсы страны, - говорит Якушев. - В то время ничего более существенного придумать было нельзя. Кроме того, наличие сепараторных пунктов позволило и крестьянину зарабатывать себе лишнюю копеечку. Если корова давала, допустим, три тысячи килограммов молока, из которых тысяча шла в пользу государства, остальное можно было продать через приемные пункты и на этом заработать. Город жил тогда лучше, там людям платили деньги, на которые они могли купить и продукты питания, и одежду. В селе, по тогдашним временам, хорошо жили учителя, медработники, то есть те, кому, как и в городе, платили из государственной казны. Рубль тогда ценился. Даже если ты получаешь небольшие деньги, ты все равно можешь неплохо жить. Крестьяне тебе с готовностью по дешевке продадут продукты питания, а кроме того, ты можешь пользоваться магазином. Колхозникам же денег не платили, и потому они жили в полной нищете. Вся надежда была на трудодни. А для этого нужно было, чтобы не только в колхозе, но и в целом по району уродился хлеб, чтобы район выполнил государственный план. Тогда тебе что-то перепадет от этого урожая. Давали натурой - зерном. Его можно было смолоть, продать отруби и на вырученные деньги приобрести одежду и прочее необходимое в доме и хозяйстве. Короче, это долгий путь, поэтому крестьян выручали приемные сепараторные пункты.

Детство свое Геннадий Васильевич провел в Серышевском районе Амурской области. Жили с семьей поначалу в небольшом селе Бирме, затем в большом - Красноярове. Тогда еще работали молокоприемные пункты, продолжая принимать у населения излишки молока. На два-три села имелся небольшой молокоперерабатывающий заводик. Холодильников тогда еще не было - были большие погреба (сегодняшние возможности - не чета тем!), и люди как-то приспосабливались сохранять продукцию.

В общем, жизнь сама подсказала идею небольшой кооперации внутри коллективного хозяйства. Конечно, это был примитивный кооперативный способ сельскохозяйственного производства, вытекающий из небогатых возможностей прошлой жизни, но и он себя оправдывал. Хуже стало, когда от этого отказались.

- Сегодня подобного нет, - говорит Якушев, - потому крестьянин загнан в угол. Я бы мог сегодня держать в своем хозяйстве три коровы - такое дозволено. А это - шкуры, это - мясо и, в первую очередь, молоко. Я имел бы возможность ежегодно сдавать не менее четырех тысяч килограммов молока. Если есть хорошее сено, вода, соль, даже без употребления концентратов наши симментальки при нормальном кормлении и уходе отличное молоко дают - базис у них 3,9-4,1 процента жирности.

(Продолжение следует)

ПО ВОПРОСАМ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЯВЛЕНИЙ И РЕКЛАМЫ ЗВОНИТЕ 44-39-70

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОРОКОВ

Но нынче, по словам потомственного крестьянина Якушева, который готов, не жалея собственных сил, еще долгие годы трудиться на сельскохозяйственном поприще, государство не стимулирует крестьянина по части его желания работать хорошо, увеличивая, например (коль речь пошла о молоке, о нем и продолжим говорить), производительность дойного стада. Более того, даже не пытается выслушать его и помочь.

(Продолжение. Начало в № 5–7)

А все дело в том, с нескрываемой иронией констатирует Геннадий Васильевич, что на заседаниях у президента или премьера по правую руку от них сидят те, кто выпускает пушки, а по другую - танки, тогда как представители крестьянства сидят поодаль, так, что им не докричаться до Москвы, не выложить просьбы селян. А эта просьба достаточно простая: не откладывая ничего на потом, в короткий срок организовать, ну если не в каждом селе, то хотя бы в одном из двух-трех, малые молокоперерабатывающие пункты - по примеру тех, что были лет сорок-пятьдесят назад. Вот ведь сумели мы при разумном-де подходе в кратчайший срок решить проблему малых хлебопекарен, а если говорить шире - обеспечения населения доброкачественным хлебом. Для этого стоило сделать лишь одно - выпустить в большом количестве соответствующее оборудование. Сразу же перестали дико расти цены на хлеб, потому как во всю силу заявила о себе рыночная конкуренция, при которой у людей появился выбор, чтобы покупать более качественный и более дешевый хлеб. Малые хлебопекарни вообще способны долгое время удерживать цены на одном уровне. Причина в том, что, в отличие от энергоемких гигантов-хлебокомбинатов, какие были понастроены в свое время в городах, у малых хлебопекарен за счет небольшой энергоемкости невысокая себестоимость выпускаемой продукции. Кстати, такую же картину мы будем наблюдать, когда малые молокоперерабатывающие заводики будут конкурировать с заводами большими - цены на молочную продукцию, без всякого сомнения, будут снижаться. Формула рынка проста: меньше монополистов - больше конкурирующих предприятий. Тех предприятий, которые все сделают для того, чтобы привлечь внимание населения к своему товарному знаку за счет качества выпускаемой продукции, а также за счет низкой цены на эту продукцию.

- Проблема с выпуском качественного хлеба у нас худо-бедно решена, - говорит Якушев. - Настала пора таким же образом обеспечить население недорогой и качественной молочной продукцией. Вот посмотрите: много ли людей покупают ту же сметану, которая очень у нас дорогая? Нет. А вот если в селах на кооперативных началах мы оборудуем перерабатывающие заводики, - крестьяне станут по дешевке сдавать на них молоко, и, следовательно, низкими будут цены на переработанную молочную продукцию в городских магазинах. Я как-то подвозил из Новотроицкого до Благовещенска двух женщин, - вспоминает Геннадий Васильевич. - Молоко везли на базар продавать. Им каждый день за тридцать километров приходится на попутках добираться. А что говорить о тех, кто живет за шестьдесят и более километров от города? Так вот, одна из молочниц и говорит: я готова и за копейки молоко свое продавать - лишь бы его покупали у меня прямо в селе. Но кто сейчас там у нее купит? Вот и маются люди, а горожанам приходится экономить на продуктах. Селяне, у которых постоянно дефицит с наличными, жаждут иметь живую копейку - им жить надо, детей надо в школу одевать, самим одеваться-обуваться... Но на сегодняшний день, - возмущенно заявляет потомственный крестьянин Якушев, - ни один руководитель в стране не поставил вопрос по созданию и выпуску оборудования для малых сельских перерабатывающих предприятий. А я вижу: поднять село сегодня можно только за счет быстрого развертывания этих самых малых перерабатывающих предприятий. С хлебопечением мы вопрос решили, следующим этапом нужно решить вопрос с переработкой молока, с оборудованием сепараторных пунктов, потом взяться за переработку другой сельхозпродукции. Только так можно решить проблему сельскохозяйственного производства. Вы спросите, где на все это взять деньги? Что касается выпуска соответствующего оборудования, то здесь нужно обязательно воспользоваться старой доброй системой размещения госзаказа на предприятиях. Когда оборудование будет готово, встанет вопрос о покупке его крестьянскими хозяйствами. Для этого крестьянам нужно объединиться в производственные кооперативы (я не говорю о колхозах, хотя и им что-то нужно думать насчет закупки оборудования для переработки сельхозпродукции), а государству следует подумать об обеспечении этих кооперативов денежными кредитами для закупки этого оборудования и его монтажа.

Да, говорит Якушев, у нас в областном центре есть мощный молокозавод. Но не потащит же крестьянин сюда молоко из таких, например, отдаленных районов как Ромненский или Мазановский. Сел-то у нас сколько! Будут кооперативные молокоприемные пункты - мы страну молоком зальем, упадет на него цена в магазинах. Монополисты перестанут диктовать цены на молочную продукцию. Весомым станет наш рубль. Сейчас нужно будоражить в этом направлении общественное мнение, нажимать на руководство, которое пока не понимает, что нельзя поднять экономику страны без подъема села. Ведь весь корень зла в том, что мы не можем поднять то, что лежит у нас под ногами. Если руководители наши это не поймут, жить мы будем все хуже и хуже. Нас завалили «Сникерсами» и «ножкам Буша», теперь уже везут из Америки бочки с топленым маслом, другую сельхозпродукцию. Мы разрушаем отечественное сельское хозяйство. Наша сельхозпродукция пока что дорогая и не может конкурировать с зарубежной. Но мы уже говорили, отчего у нас такая дороговизна.

* * *

Какие бы трудности сегодня ни испытывало наше амурское село, одно очевидно: там потихоньку, со скрипом идет становление новых отношений, когда на смену социалистической системы коллективного хозяйствования идет экономическая и организационно-структурная многоукладность, возникновение которой было продиктовано появлением свободных рыночных отношений.

Увы, и эта многоукладность, эта более прогрессивная система хозяйственных отношений на селе не оправдала пока что наших надежд. Ведь что мы видим? А видим мы то, что агрокомплекс Приамурья продолжает агонизировать, все глубже и глубже увязая в трясине бесплодия. А это страшная беда. Ведь на наших глазах рушится идея, которую долгие десятилетия многие люди вынашивали в своих сердцах, - идея свободного труда на земле, при которой крестьянин из вечно порабощенного экономического винтика превратился бы в творца своих замыслов, своей судьбы. Вот и возникает у людей этот обжигающий душу вопрос: почему так живем? Неужели разучились работать? Думать? Соображать? Что же тогда делать? Не звать же, право, по примеру наших пращуров вновь варягов, чтобы они правили нами, учили нас, как надо жить. Если и впрямь эта необходимость назрела, то тогда до какой черты нужно дойти, чтобы отчаяться на такой крайний шаг?

Но всегда и на скудородном поле найдется уголок, где растут сочные злаки, где торжествует жизнь.

Несколько лет назад в Благовещенском районе (а этот район у нас славится тем, что в нем в последние годы шел интенсивный процесс возникновения фермерских хозяйств) произошло достаточно примечательное событие: в крестьянский кооператив объединились три крестьянско-фермерских хозяйства, руководят которыми А. Д. Стрельников, А. И. Козицин и В. З. Букатый. Прямо скажем, такое произошло в этих местах впервые. Люди интуитивно почувствовали, что крепь крестьянская состоит в объединении их экономических усилий, при этом объединение должно строиться не на обобществлении собственности, как это было (и еще существует) в колхозах, а на паевых принципах. То есть происходит объединение собственников, цель которого - выполнение производственных задач, неподсильных одному крестьянскому хозяйству.

Первоначально объединившиеся крестьяне задумали построить цех по переработке молока и хлебопекарню. И то: на личных подворьях сельчан в Сергеевке (а новоявленные кооператоры живут в этом большом приамурском селе) насчитывается более 1200 коров, владельцам которых очень трудно бывает реализовать молоко. А неподалеку от Сергеевки есть еще несколько больших сел - Бибиково, Михайловка, Грязнушка, и там тоже сотни коров и тоже туго с реализацией молока. По предварительным расчетам кооператоров получалось, что, нежели одни только сергеевцы будут продавать со своих подворий 30 процентов молока, то это составит в среднем 4-5 тонн продукции в день. Поняли: игра стоит свеч - перерабатывающий завод строить можно, ибо он будет рентабельным. В дело вложили немалые деньги, которые кооператоры заработали частью на коммерческих сделках, частью получив в качестве кредита от областной организации АККОР. Купили фирменное оборудование для оснащения средней руки заводика, способного производить 18 наименований продукции.

- Пока мы решили не торопиться с запуском завода на полную мощность, - говорил мне В. З. Букатый, когда кооператоры только-только начинали свою деятельность. - Попробуем изготовить кефир, сметану, масло, пастеризовать молоко. Специалисты установили в помещениях, отведенных для технологического оборудования, дизельную электростанцию, упаковочную линию, маслобойку, холодильные камеры и прочее. А все строительные работы мы выполняем своими силами. Сейчас ведем отделочные работы внутри и снаружи здания. Пробили сквозь тяжелый грунт свою скважину, оборудовали септик... На завершающей стадии отделка душевой и бытовой комнаты. Стараемся, чтобы людям здесь было приятно трудиться и отдыхать. Наш завод в состоянии перерабатывать сейчас до ста тонн молока в сутки. В одну смену будет занято на переработке шесть человек, но мы с компаньонами планируем организовать работу в две смены.

Кроме молокозавода в том же здании, которое кооператоры отвели под производство, оборудована хлебопекарня, кондитерский цех, магазин. А это еще как минимум десять рабочих мест. Открыта лаборатория для проверки и контроля качества выпускаемой продукции. И вот немаловажная деталь: по словам кооператоров, появилась возможность закупать у сельчан молоко по цене, которая выше существующей на молкомбинате Благовещенска, а реализовывать продукцию по ценам ниже рыночных. Кстати, сельские кооператоры с самого начала своей деятельности заключили договоры на поставку своей продукции магазинам областного центра.

Говоря о добром начинании трех крестьянских хозяйств, решивших объединиться в кооператив, о тех успехах, которые сопутствуют им в деле, нельзя умалчивать и о проблемах, возникших по ходу становления этого добровольного крестьянского объединения. А ведь поначалу у них все шло не так гладко, как хотелось бы. Но стоит ли забывать о том, что у нас в России каждая идея, прежде чем воплотиться в жизнь, должна пройти великие испытания?..

- Мы стучались во все двери, но открывались перед нами не многие, - вспоминает В. З. Букатый. - Но ничего, потихоньку добивались своего. Ведь давно замечено: везет тому, кто сам везет...

Алексей ВОРОНКОВ

Но, как бы то ни было, а кооператив так бы и остался некой неосуществленной мечтой, если бы он не опирался на крепкую экономическую базу крестьянско-фермерских хозяйств, создавших его. А жизнь в этих хозяйствах, как и прежде, идет своим чередом. Люди продолжают заниматься своим привычным делом. Выращивают зерновые, картофель, заготавливают корма на зиму.

Но мысль крестьян идет вперед, уже просчитываются другие будущие экономически выгодные варианты. Так, руководители хозяйств задумали приобрести сорок голов мясо-молочной породы крупного рогатого скота или, как здесь для краткости говорят, КРС, и раздать животных на откорм селянам на взаимовыгодных условиях. Следующий этап - строительство своих помещений для содержания КРС.

Занимаются фермеры и торговлей продуктами питания и промышленными товарами. Например, КФХ «Новокутузовское» имеет в Благовещенске свой магазин смешанных товаров «Зеленый мир». Директором в нем Гарягды Гурбанназаров, а продавцом его жена Ольга. Магазин торгует хлебом, кондитерскими изделиями, овощами, мясными и молочными продуктами, рыбой, крупами, осенью арбузами...

- Я работаю в этом магазине с 1994 года, - говорит Гарягды. - Товары частью сами производим, частью берем оптом по дешевой цене в коммерческих фирмах. Магазин приносит хорошую прибыль.

Я здесь не случайно остановился на многопрофильности в деятельности крестьянских хозяйств. Еще Чаянов и его сподвижники нацеливали организаторов крестьянских хозяйств на внедрение в практику разнообразия форм экономической деятельности, что позволяло бы крестьянам укрепляться в своей экономической независимости, интенсивно развивать производство. Крестьянское хозяйство, по их мнению, должно развиваться в трех главных направлениях - это кооперация, организационно-производственная деятельность и участковая агрономия. Упустив из виду одно из них, крестьянин рискует оказаться в зависимости от обстоятельств. Так, без участия в кооперативной деятельности он не сможет в одиночку осилить ту же переработку продукции и, зачастую, ее сбыт. Организационно-производственная деятельность как основа всей работы крестьянина позволяет ему планировать хозяйственную деятельность, искать новые методы интенсивного хозяйствования, ориентироваться в экономике производства и грамотно вести это производство. И, наконец, общественная участковая агрономия - это та научная региональная база, на которую крестьянин должен опираться в своей основной деятельности - производстве продукции земледелия. От нее он получает помощь, здесь он черпает свои знания и осваивает земледельческую науку.

(Продолжение следует)

ПО ВОПРОСАМ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЯВЛЕНИЙ И РЕКЛАМЫ ЗВОНИТЕ 44-39-70

ТЕЛЕФОННЫЙ ТЕРРОР

Нина ДЬЯКОВА

"Бомба" для театра

22 февраля в Амурский театр драмы позвонил неизвестный и, не называя своего имени, сообщил, что в здании находится мина...

Позвонивший по «междугородке» (уже вычислили город и улицу, откуда был звонок...) мальчиш-плохиш в тот самый миг из обычного школьника перешел в разряд телефонных террористов, да еще и вполне реально может поплатиться родительскими кровными в виде неслабого штрафа и судебного разбирательства. Потому что одно дело разыграть друзей-одноклассников, обманув их первоапрельским приколом, и совсем другое - звонок в серьезное учреждение с «сообщением» о минах-бомбах и терактах в наше нестабильное время. Сами того не подозревая, мальцы-оголь-цы своими, мягко говоря, неумными, а, вообще-то, преступными выходками приводят в тревожное состояние нешуточные службы и не склонных к юмору в подобных ситуациях людей: работников МЧС, пожарных, милицию, ФСБ, «неотложку», необходимую технику, кинологов со служебными собаками. Даже если заведомо ясно, что тревога ложная, проверка все равно необходима. В результате в театре были сорваны по вине звонившего репетиции двух премьерных спектаклей, и обычный прогон вечернего спектакля тоже пришлось отменить. Между прочим, если кто-то рассчитывал на панику и неразбериху, видимо, огорчится, поскольку каждая служба театра и прибывших спецотделений четко выполняла свою работу, а спектакль, несмотря на происки хулигана, прошел с успехом при полном зале. Юному искателю приключений, скорее всего, следует побеспокоиться, ибо рано или поздно он станет известен лично, и тогда за все причиненные неудобства и затраченные в этот день материальные и моральные ресурсы придется выплачивать по полной программе. И это - не шутка, поскольку прецеденты уже есть.

А впредь: может, сперва подумать не мешало бы? Тогда и кипучая подростковая энергия пойдет в более мирном направлении, и родительские «бабки» целее будут.

ДЕЖУРНАЯ ЧАСТЬ

СМЕРТЬ ЗА ВЫГОВОР

В северных районах зима, как известно, наступает рано. Уже в сентябре начинаются первые заморозки, падает первый снег. Старатели одной из золотодобывающих артелей закончили свой сезон аккурат к началу зимы. В последний день рабочие решили отметить завершение золотодобычи. На улице уже лежал снег, температура упала ниже ноля, поэтому застолье было решено организовать в вагончике. Затопили буржуйку, начали готовить закуску. Водку заранее купили в ближайшем поселке. Купили много, чтоб два раза не ездить...

Вечер протекал тихо, спокойно. Рабочие вспоминали прошедший сезон, спорили, удачный он был или нет. Внезапно между двумя коллегами вспыхнула ссора. Тот, что был помоложе, успокоился первым. Он сидел и грозно, исподлобья, смотрел на своего собутыльника, мужчину среднего возраста. Весь сезон тот руководил старателями - занимал почетный пост инженера. Молодой подчиненный сверлил начальника взглядом. В его голове крутился «фильм» из недавнего прошлого...

- Пьете! На рабочем месте!

- Да ладно тебе, Михалыч. Мы почти закончили. Дай расслабиться.

- Опять, Костя, спаиваешь моих работников. Сам лодырь, и мужиков в болото тянешь. Выгоню всех, не пожалею.

- Ты что пугаешь?

- Ах, так... Объявляю тебе строгий выговор. Премию не получишь. А еще раз увижу тебя с водкой - уволю.

Костя затаил кровную обиду на начальника. Долгие дни думал он, как отомстить. И вот новая ссора с начальником. Под влиянием спиртного эмоции одолели разум. Костя, немного выждав, вышел на улицу. Из багажника своей машины вытащил охотничье ружье. Двустволка привычно легла на руку. Стал выжидать. Когда начальник вышел покурить, раздался выстрел. Заряд дроби попал в живот. Мужчина обмяк и рухнул на землю. Из вагончика высыпали люди. Свидетелей убийства было много. Бежать не было смысла. Отвертеться Косте не представлялось возможным. Он понял, что это действительно его последний сезон по добыче золота. Посмотрев на лежащее на снегу тело, убийца ясно представил свое будущее. Через решетку в окне видно солнце, а за металлической закрытой дверью ходит, гремя ключами, надзиратель. Одним словом, тюрьма. Костя вдохнул поглубже свежего воздуха, словно пытался надышаться перед смертью. Кто знает, может, действительно в последний раз...

Роман КУЗЬМИН.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Алексей ВОРОНКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОРОКОВ

(Окончание. Начало в № 5–8)

В общем, российским основателям науки об обустройстве крестьянского хозяйства трудовой крестьянин мыслился как действующий или потенциальный кооператор и как грамотный хозяин, владеющий самым современным опытом сельскохозяйственного производства. К сожалению, я не могу сегодня привести достаточно примеров из региональной практики, которые бы указывали на то, как наше крестьянство пользуется плодами ученых-чаяновцев, сумевших выработать оптимальную формулу ведения и организации сельскохозяйственного производства. И тому есть как субъективные, так и объективные причины. К первым относится, естественно, непросвещенность и неинформированность нашего крестьянина, который совершенно не может ориентироваться в современной экономической ситуации или же который настолько консервативен, настолько невежествен, что боится отораться от традиционных методов ведения хозяйства. Объективным же фоном происходящего является безынициативность самого проводника реформ - государства, которое зачастую только выдвигает идеи, но не способствует их скорейшему воплощению в жизнь.

Трудно, ох как трудно восстанавливается жизнь на селе после развала его старого уклада. Бед, что свалились на него, и не перечислить. Это и неверие в новое, это экономическое банкротство хозяйств, причина которых - отсутствие в стране прежней гарантированной дотационной политики, это психологический сдвиг сознания крестьян, вызванный началом перестройки крестьянского уклада жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями: пьянством, запустением крестьянских дворов, нищетой... Но я не могу не сказать и о том, что, внимательно вглядевшись в этот сложный мир сегодняшнего села, я увидел, как оно, пусть очень медленно, пусть очень мучительно, со скрипом, но все же пытается выбраться с разбитой проселочной дороги на большак своего будущего благополучия. Конечно, как всегда, удача сопутствует только самым дерзким, самым настырным, самым трудолюбивым. Слабые, не найдя поддержки у нашего жесткого и прагматичного времени, погибают...

* * *

- Да, - признается мне мой старый знакомый и консультант в моих публицистических исканиях, в то время директор Амурского филиала Всероссийского научно-исследовательского конструкторского и проектно-технологического института химической мелиорации почв (ВНИПТИМ) Д. А. Курдин, - труды Чаянова и его сподвижников амурскому крестьянину по сути неизвестны. Во всяком случае, я что-то не припомню, чтобы кто-то обращался к ним в своей работе. Это касается и здешних ученых.

- Но ведь вы, сами того не осознавая, - говорю ему, - стремитесь работать по-чаяновски - вы лично как ученый и специалист в области химизации почв пытаетесь за счет подбора и внедрения в практику удобрений помочь крестьянину перейти от экстенсивной системы земледелия к интенсивной...

Дмитрий Алексеевич был со мной согласен. В самом деле, одним из главных вопросов организации интенсивного земледелия является химизация и мелиорация земель, считает он, а интенсификация сельскохозяйственного производства всегда являлась областью интересов ученых доколлективной системы организации крестьянского труда.

Как же обстоят дела с химизацией земель в нашей области?

- Плохо, - говорит Дмитрий Алексеевич. - Ввиду удаленности нашего региона от центра и баснословных транспортных тарифов к нам сегодня поступает очень мало химических удобрений - у хозяйств просто нет денег их покупать, а областная казна больно худая, чтобы помочь крестьянам закупить удобрения. Вот и получается, что земля скудеет. Ее ремонтировать надо, иначе недалек тот день, когда мы будем собирать 3-5 центнеров зерновых с гектара. А тогда какой смысл заниматься земледелием - оно ведь будет совершенно нерентабельным. Легче будет закупать зерно на стороне. Хотя мы ведь и так его закупаем - из нашей муки хлеб не испечешь, не можем мы выращивать зерно с высокой клейковиной. Наше зерно идет на фураж. Но, видимо, настанет время, что и фуражного зерна у нас не будет. Опыт показывает, что без химизации земель нам никак нельзя. В прошлые годы именно эффективные приемы химизации являлись причиной подъема урожайности.

- Так что же делать, Дмитрий Алексеевич? - спрашиваю Курдина.

- Надо искать удобрения в своем регионе, - говорит он. - А они у нас есть. Достаточно назвать Архаринский карьер по производству местных фосфатно-карбонатных удобрений. Ценность их для низкоплодных и необеспеченных фосфором почв области нами изучена за предыдущие пять-шесть лет работы нашего коллектива, результаты опытов с предложением внедрить эти удобрения в сельскохозяйственное производство с целью продолжения комплексной химической мелиорации закисленных и деградированных пахотных земель были переданы в областное сельхозуправление. Но работники сельхозуправления, на мой взгляд, сквозь пальцы посмотрели на проблему. А ведь им необходимо было немедленно мобилизовать все свои силы и возможности, чтобы создать в области отсутствующую в данный момент собственную базу химизации. А для этого надо было изыскать необходимые средства и завершить строительство Архаринского карьера, доведя его до проектной мощности в 400 тысяч тонн фосфатов в год. Но это не было сделано.

Дмитрий Алексеевич в свое время вел упорную борьбу за реанимацию Архаринского карьера по производству фосфатно-карбонатных удобрений. Я помогал ему поднимать этот вопрос в печати. Увы, все оставалось на прежних местах: один за другим менялись главы областной администрации, менялись руководители, отвечающие за сельское хозяйство нашего региона, но вопрос о строительстве карьера так и не был решен.

- Прямо руки опускаются, когда видишь, что твои труды становятся напрасными, - признался мне когда-то Д. А. Курдин. - Ты выступаешь за интенсивную систему земледелия, а тебе палки в колеса вставляют. Но сколько может это продолжаться? Сколько еще мы будем жить в условиях, когда подавляется трезвая, добрая мысль? Осуждаем прежнее время, а сами что творим? Честное слово, иногда так и тянет последовать примеру ученого-мученика Нечаева, чтобы не видеть гибели плодов своей жизни.

Прямо скажу, страшные мысли рождаются в голове амурского ученого. Кажется, и время уже другое, когда можно свободно трудиться над реализацией своих идей, но что-то опять мешает. Что-то опять заставляет иных из нас задумываться о том, а не поставить ли, подобно славному ученому Нечаеву, крест на своей судьбе. Да что там судьбе - на самой жизни!

Для тех, кто не знает, кто такой Нечаев, скажу. Это был прекрасный ученый-виноградарь, который занимался выращиванием уникальных сортов винограда в Крыму. В начале горбачевской перестройки по велению сильных мира сего в Крыму были вырублены виноградники - пропал труд всей жизни Нечаева. Да что там труд - пропал сам смысл жизни. И Нечаев покончил с собой... Какая великая беда времени - уходить из жизни из-за невозможности видеть плоды своих трудов...

...Тяжела судьба крестьянства России, тяжела она и у крестьян на далеком Амуре. Мало кто сегодня вообще верит в счастливую звезду землепашца - не та повсюду картина, чтобы проникнуться надеждой. А когда-то великий русский ученый А. В. Чаянов и его сподвижники заявили, что они верят в добрую судьбу русского землепашца. И вера та исходила из реалий прошлого: крестьянское дело бурно развивалось на рубеже двух веков. Достаточно сказать, что даже к сороковому году прошлого столетия мы не смогли достичь того уровня сельскохозяйственного производства, который существовал в России в 1913-м.

Увы, закончилось столетие, а мы все продолжаем топтаться на месте, издергав крестьянина вечными «новыми» идеями, вечными упреками и понуканиями. И крестьянин растерян и зажат в своих неисполненных желаниях. Он по существу запущен, вот потому, подобно той забитой и неухоженной лошаденке, нехотя плетется по дороге жизни, и нет конца этому пути. А может, все же стоит попристальнее вглядеться в горизонт и увидеть что-то доброе впереди?..